

A cinematic photograph of two men in dark suits and ties standing in a room filled with bookshelves. The man on the right is looking down at the hands of the man on the left, who is holding a small object. In the foreground, a large, ornate chessboard is visible, cluttered with chess pieces. The lighting is dramatic, with strong highlights and shadows.

Петр Сойфер

Кодекс уязвимости

Петр Сойфер

Кодекс уязвимости

«Автор»

2026

Сойфер П.

Кодекс уязвимости / П. Сойфер — «Автор», 2026

Кристиан Найт не взламывает сейфы — он взламывает людей. Его оружие — Кодекс уязвимости, точный метод поиска трещины в самой безупречной психике. Фармацевтический гигант нанимает его, чтобы нейтрализовать троих, знающих смертельную тайну о революционном препарате перед выходом компании на биржу. Нейробиолог, сенатор, независимый эксперт — люди с безупречной репутацией и, как выясняется, безупречно просчитанными уязвимостями. Но когда Найт вычисляет истинную цену собственного заказа, он понимает: настоящей мишенью с самого начала был он сам. Против него играет его собственный учитель — и единственный способ выжить — впервые применить Кодекс не против чужого страха, а против своего. Триллер о власти и цене абсолютного контроля — там, где выигрывает не сильнейший, а тот, кто первым признаёт собственную уязвимость.

© Сойфер П., 2026

© Автор, 2026

Петр Сойфер

Кодекс уязвимости

КОДЕКС УЯЗВИМОСТИ

Роман

Пётр Сойфер

ВСТУПЛЕНИЕ

Фармацевтическая индустрия — одна из самых мощных экономических сил современного мира. Обороты крупнейших корпораций отрасли исчисляются сотнями миллиардов долларов в год и по своему масштабу давно превосходят бюджеты производителей оружия. Одна-единственная компания способна распоряжаться капиталом, превышающим казну целого государства — и определять, какая страна первой получит доступ к жизненно необходимому лекарству, а какая будет ждать годами.

За этой мощью стоит конкуренция, которая внешне не похожа на войну — но по сути является именно ею. Здесь не бывает открытых сражений и публичных ультиматумов. Здесь идёт тихая, методичная борьба за то, кто первым запатентует прорывную молекулу, кто первым выйдет на рынок, кто первым получит одобрение регулятора — и кто, соответственно, будет единолично назначать цену на лекарство, от которого зависят миллионы жизней. Победа в этой войне измеряется не территорией, а капитализацией. Поражение — не разгромом армии, а обвалом акций за одну торговую сессию.

Но у любой корпорации есть уязвимое место, которое невозможно защитить ни капиталом, ни юристами: люди, принимающие решения. И там, где не срабатывают деньги и угрозы, в игру вступает тот, кто умеет находить не слабые места в защите компании, а слабые места в психике человека, который эту защиту возглавляет.

Именно такого человека вы сейчас встретите.

Глава 1. Закрытый раунд

Манхэттен встречал дождём — не проливным, а тем мелким, стеклянным, что висает в воздухе дольше, чем падает вниз. С пятидесят пятого этажа башни на углу Парк-авеню город выглядел не сеткой улиц, а платой микросхемы: жёлтые огни такси ползли по чёрным дорожкам-каналам, и если долго смотреть вниз, начинало казаться, что весь этот организм подчиняется не светофорам, а какому-то более строгому, недоступному глазу алгоритму.

Кристиан Найт не смотрел вниз. Он сидел лицом к городу, спиной к залу, и разглядывал собственное отражение в стекле — не из тщеславия, а по привычке: стекло здесь было двойным, с вакуумной прослойкой, и звук из переговорной не проникал сквозь него наружу так же, как ни один звук снаружи не проникал внутрь. Комната для закрытых раундов на верхнем этаже штаб-квартиры Vanguard BioMed была спроектирована как капсула — не помещение, а пауза между двумя мирами.

Стол в центре зала был вырезан из цельного куска чёрного гранита, привезённого, как он позже узнает, из карьера в Зимбабве — камень настолько плотный, что казался не природным материалом, а произведённым специально для того, чтобы поглощать звук человеческого голоса и не возвращать его эхом. Двенадцать кресел, обтянутых серой замшей, стояли вокруг стола на равном расстоянии друг от друга — расстоянии, вычисленном не дизайнером, а психологом по организационному поведению: достаточно далеко, чтобы никто не чувствовал давления соседа, и достаточно близко, чтобы никто не чувствовал себя вне игры.

На стене за спиной председателя висела единственная картина — абстракция в серых и охряных тонах, происхождение которой Найт узнал позже: полотно приобрели не за художественную ценность, а за то, что при определённом освещении оно визуально снижало частоту сердечных сокращений у людей, находящихся в помещении дольше сорока минут. Vanguard BioMed не оставляла на волю случая ничего, включая собственный интерьер.

— Мистер Найт, — произнёс председатель совета директоров, Джонатан Пирс, человек лет шестидесяти пяти с идеально ровной сединой и лицом, привыкшим не выдавать усталости даже в четыре утра. — Вы знаете, зачем мы вас пригласили.

— Я знаю, что вы предпочли не объяснять это по телефону, — ответил Найт. — Это уже само по себе информация.

Пирс не улыбнулся, но что-то в уголках его глаз дрогнуло — не одобрение, скорее узнавание. Он кивнул женщине слева от себя, директору по правовым и нормативным вопросам, и та передала по столу тонкую чёрную папку. Найт не открыл её сразу. Он положил ладонь на обложку и подождал — не из театральности, а потому что знал: то, что произойдёт в следующие тридцать секунд молчания, скажет ему больше, чем содержимое папки.

Никто не пошевелился. Никто не потянулся за водой, не поправил галстук, не бросил взгляд на телефон. Двенадцать человек за гранитным столом хранили молчание так профессионально, что само это молчание стало ответом.

— «Алетейя», — сказал Найт, не спрашивая, а констатируя.

Препарат, о котором последние два года шептались на закрытых фармацевтических конференциях от Базеля до Сан-Диего. Молекула, обещавшая то, что двадцатый век считал фантастикой, а двадцать первый — почти неизбежностью: избирательное стирание травматических следов посттравматического стрессового расстройства без затрагивания остальной архитектуры памяти. Не забвение — редактирование. Ветераны, пережившие теракты, жертвы насилия — миллионы потенциальных пациентов и рынок, оценённый аналитиками в диапазоне от сорока до шестидесяти миллиардов долларов ежегодно, если препарат получит одобрение Управления по контролю за продуктами и лекарствами.

— IPO назначено на пятнадцатое число следующего месяца, — сказала директор по правовым вопросам. Голос у неё был ровный, отработанный на позициях, где эмоция считается профессиональной ошибкой. — Оценка компании при выходе на биржу — сто двадцать миллиардов долларов. Институциональные инвесторы уже сформировали книгу заявок на сумму, превышающую предложение в семь раз.

— И где-то в этой книге заявок, — сказал Найт, — есть проблема, которая делает встречу непубличной.

Пирс наконец открыл папку сам — не ту, что лежала перед Найтом, а свою собственную, идентичную. Он не читал из неё. Он просто держал её открытой, будто присутствие документа в комнате имело значение само по себе.

— У четырёх процентов пациентов третьей фазы клинических испытаний, — произнёс он медленно, впервые за весь разговор понизив голос до той тональности, которая выдаёт не тайну, а стыд, — через шесть месяцев после курса наблюдается устойчивое снижение способности к эмпатическому распознаванию. Не памяти. Не когнитивных функций. Способности сопереживать.

В комнате стало тише, хотя тише, казалось, уже некуда.

— Препарат стирает не только травму, — сказал Найт.

— Препарат стирает часть человека, которая эту травму способна была бы прочувствовать заново, — поправила директор по правовым вопросам, и в этой поправке Найт услышал то, ради чего его действительно пригласили: не признание вины, а формулировку защиты.

За окном дождь усилился, стекло чуть слышно завибрировало на высокой ноте — единственный звук, который выдал, что капсула на пятьдесят пятом этаже всё ещё физически свя-

зана с остальным городом. Найт перевёл взгляд обратно на стекло, на размытые огни внизу, и подумал о том, что каждый из двенадцати человек в этой комнате в эту секунду просчитывает не этическую сторону вопроса, а исключительно её юридическую и репутационную траекторию.

— Трое человек знают достаточно, чтобы остановить одобрение FDA, если решат заговорить, — сказал Пирс. — Все трое — люди высокой квалификации, высокой репутации и, соответственно, высокой цены за молчание — если бы дело было только в цене.

— Но дело не в цене, — сказал Найт. Это не было вопросом.

— Дело не в цене, — подтвердил Пирс. — Именно поэтому мы обратились к вам, а не к юридическому департаменту.

Найт наконец открыл папку. Внутри — три листа плотной бумаги, на каждой фотографии и минимальный набор фактов, оформленных с той сухой точностью, с которой страховые компании описывают несчастные случаи. Доктор Эмили Вэнс, Бостон. Сенатор Томас Клейтон, Вашингтон. Доктор Дэвид Коул, Нью-Джерси.

Он не почувствовал ничего похожего на азарт — только узнавание знакомой формы задачи, той самой, из-за которой люди вроде Пирса платили ему суммы, которые сами по себе были формой признания: деньги здесь были не оплатой труда, а откупом от необходимости смотреть на процесс своими глазами.

— Вы не хотите знать, как именно я это сделаю, — сказал Найт, закрывая папку.

— Мы хотим знать только одно, — сказала директор по правовым вопросам. — Что пятнадцатого числа акции откроются торгами без единой тени сомнения на рынке.

Найт встал. Кресло за ним неслышно откатилось по полу — паркету из мореного дуба, уложенному, как он заметил ещё при входе, ёлочкой в направлении, которое зрительно удлиняло и без того длинный зал, добавляя ему давящей, музейной торжественности. Всё в этом помещении — от гранита до картины на стене, от расстояния между креслами до породы дерева под ногами — было спроектировано, чтобы внушать доверие людям, которые в глубине души знали, что доверия не заслуживают.

— У меня есть свои условия, — сказал Найт, застёгивая пиджак. — Я работаю по собственной методологии. Я не отчитываюсь о процессе. Я отчитываюсь только о результате.

Пирс кивнул, не задавая уточняющих вопросов — то ли потому, что уже знал ответы, то ли потому, что предпочитал их не знать.

— Результат нам и нужен, мистер Найт.

Найт вышел из капсулы на пятьдесят пятом этаже в стеклянный коридор, ведущий к лифтам, и впервые за весь разговор позволил себе взглянуть вниз по-настоящему — не на огни, а на расстояние. Триста с лишним метров пустоты между ним и мокрым асфальтом Парк-авеню. Где-то там, подумал он, спускаясь в лифте, который бесшумно скользил вниз с такой скоростью, что у большинства пассажиров кружилась голова, живут три человека, ещё не знающие, что их психика уже стала объектом анализа.

Дождь на улице оказался холоднее, чем выглядел с высоты. Найт поднял воротник пальто и пошёл на юг, не в сторону отеля, а в сторону Центрального парка — ему нужно было пройти пешком не меньше сорока минут, прежде чем открыть первую страницу собственного, ещё не написанного досье. Задача начиналась не с действия. Она начиналась с картографии.

Глава 2. Анатомия бостонской мишени

Бостон встретил его иначе, чем Манхэттен, — не вертикалью, а протяжённостью. Найт вышел из машины на набережной Чарльза и первым делом отметил не архитектуру, а свет: здесь он был мягче, рассеивался в дымке, поднимающейся от воды, и красный кирпич георгианских фасадов на другом берегу реки казался приглушённым, будто выцветшим специально,

чтобы не спорить с холодным стеклом новых лабораторных корпусов, вставших вдоль набережной как флот, бросивший якорь у старого города.

Институт нейрокогнитивных исследований, где работала доктор Эмили Вэнс, занимал шестиэтажное здание, построенное на месте бывшего кирпичного склада начала века. Архитекторы сохранили внешние стены — грубую, тёмно-рыжую кладку с чугунными балками, торчащими наружу, как рёбра выброшенного на берег кита, — но внутри вырезали атриум, поднимавшийся через все шесть этажей к стеклянной крыше. Найт стоял внизу, задрал голову, и думал о том, что этот атриум был спроектирован с одной ясной целью: заставить каждого посетителя физически ощутить смирение перед масштабом науки, которая здесь делается.

Он не поднялся к ней в кабинет. Первые три дня в Бостоне Найт вообще не приближался к зданию института ближе чем на полмили — он изучал город вокруг него, потому что человека, по его давнему убеждению, невозможно понять, глядя только на рабочее место. Человека понимают через маршрут, которым он идёт домой.

Маршрут Эмили Вэнс был предсказуем до мелочей и от этого по-своему красноречив. Она жила в Кембридже, в узком трёхэтажном доме постройки девятнадцатого века, с террасой из тёмного кирпича и палисадником, где, несмотря на конец сентября, ещё цвели поздние астры — плотные, лиловые, высаженные без всякой декоративной небрежности, рядами, будто по протоколу эксперимента. Найт заметил это в первый же вечер слежки и сделал в блокноте пометку, которая позже станет ключевой строкой в его карте уязвимостей: порядок как форма контроля над хаосом, который сама Вэнс не может контролировать в других сферах жизни.

Каждое утро в шесть пятнадцать она выходила из дома и шла пешком до института — двадцать минут вдоль реки, мимо гребных клубов, чьи узкие лодки в этот час разрезали серую воду Чарльза почти беззвучно, оставляя за собой расходящиеся усы ряби. Вэнс никогда не смотрела на гребцов. Она смотрела прямо перед собой, чуть опустив плечи, как человек, несущий вес, который давно перестал ощущаться как груз и стал просто частью тела.

Найт наблюдал за ней издали три утра подряд, не приближаясь, вооружённый лишь биноклем и записной книжкой — и уже на третье утро понял главное: Эмили Вэнс была неуязвима именно там, где обычно ищут слабинку. Взятка. Найт проверил её финансовое положение через три независимых источника — долгов не было, но не было и накоплений сверх необходимого; каждый лишний доллар с гранта шёл обратно в лабораторию, в оборудование, в стипендии для аспирантов. Шантаж репутацией — тоже мимо: женщина вела жизнь настолько прозрачную, что скомпрометировать её частную жизнь значило бы придумывать компромат с нуля, а придуманный компромат Найт использовал только в самом крайнем случае, потому что выдуманная уязвимость — это не взлом, а подделка, и рано или поздно подделки обнаруживают себя.

Он сидел вечером в арендованной квартире над кофейней на Массачусетс-авеню — комнате, обставленной со спартанской функциональностью: стол, два стула, кровать у стены, ни одной картины, ни одного личного предмета, потому что личные предметы создают привязанности, а привязанности замедляют работу, — и раскладывал перед собой на столе распечатанные фотографии. Институт. Дом. Астры в палисаднике. Гребцы на реке. И одна фотография, которая перевешивала все остальные вместе взятые: мальчик лет двенадцати, светловолосый, снятый через окно кухни в доме Вэнс, сидящий за столом в наушниках, методично выстраивающий из деревянных кубиков идеально симметричную башню.

Дэниел. Приёмный сын. Диагноз — расстройство аутистического спектра тяжёлой степени, установленный в четыре года, задокументированный в открытых судебных материалах об опеке, которые Найт поднял через посредника ещё до вылета в Бостон.

Найт долго смотрел на эту фотографию, откинувшись на спинку стула, слушая, как внизу закрывается кофейня — звон посуды, щелчок замка, шаги хозяина, уходящего в темноту вечернего Кембриджа. Он думал не о мальчике. Он думал об архитектуре решения, которое

ему предстояло построить: прямая угроза разобьётся о профессиональную броню Вэнс, как волна о гранит бостонской набережной. Подкуп её самой не тронет — деньги для неё абстракция, а не желание. Но существует ось, вдоль которой её оборона не выстроена вообще, потому что Вэнс никогда не рассматривала эту ось как поле боя: она считает, что материнская любовь и научная этика существуют в разных, непересекающихся плоскостях её жизни.

Это, подумал Найт, глядя на симметричную башню из кубиков на фотографии, и есть единственная ошибка, которую совершает каждый неуязвимый на первый взгляд человек. Они укрепляют стены там, где ждут атаки, — и оставляют дверь широко открытой там, где атака кажется немыслимой.

Он достал чистый лист и начал набрасывать первые контуры плана — не текстом, а схемой: Швейцария, институт по изучению аутизма, бюджет, венчурный фонд без опознаваемой связи с Vanguard BioMed. За окном, на другом берегу Чарльза, зажигались огни лабораторных корпусов один за другим, будто сама наука готовилась к ночной смене, не зная, что уже стала частью чужого расчёта.

Глава 3. Единственный сын

Письмо пришло на служебную почту Эмили Вэнс в четверг, в половине девятого утра, с обратным адресом фонда, о котором она никогда прежде не слышала: Argento Ventures, Женева. Найт составлял текст письма три дня, вычитывая каждую фразу так, как хирург проверяет инструмент перед операцией, — не единого слова, за которое можно было бы зацепиться подозрением. Никакого давления, никакой спешки. Только факты, изложенные с той сухой щедростью, которая сама по себе не вызывает недоверия, — большие деньги никогда не суетятся.

Через одиннадцать дней Эмили Вэнс стояла на террасе исследовательского корпуса на берегу Женевского озера, щурясь от света, отражённого водой с такой силой, что горы на противоположном берегу казались вырезанными из белой бумаги. Был конец октября, и воздух здесь, на высоте, пах не по-бостонски — не сыростью реки, а холодным камнем и хвоей, доносившейся с окрестных склонов, где сосны уже покрылись первым, ещё не осевшим снегом.

Здание, которое ей показывали, ещё не было институтом — оно было котлованом, обнесённым временным забором, и макетом на столе в переговорной, но макет этот Найт заказывал у архитектурного бюро в Цюрихе, известного тем, что оно проектировало клиники, где сама форма помещения работала как часть терапии. Три корпуса, соединённые крытыми стеклянными переходами, расположенные так, чтобы ни один ребёнок с сенсорной гиперчувствительностью не оказался в комнате без пути отступления. Сад на крыше, разбитый ради тактильного разнообразия, — растения подобраны по фактуре листвы, а не по цветению. Акустические панели, вживлённые в стены ещё на этапе проектирования, чтобы гасить резкие звуки прежде, чем они разлетятся эхом по коридору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.